

Круиз / рассказ

Category: Neкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Круиз / рассказ КРУИЗ

Идея отправиться в речной круиз возникла у них давно; то есть, возникла-то идея у неё, но муж был не против, и они оплатили недельное путешествие за полгода до майских праздников, которые и решили провести таким необычным образом.

Предвкушение круиза помогло пережить зиму, которую она не любила. Раньше зимой они хоть ненадолго, но уезжали – разбивали хмурое время недорогим египетским пляжем, но когда один за другим у них родились двое мальчишек, это стало невозможно. Слишком дорого.

Дети многое в их жизни изменили, и изменения эти, как обычно бывает, распределились неравномерно. Он стал больше работать, планомерно подбираясь к карьерным вершинам – в их торговой сети таких целеустремлённых ценили. Она же из переводчицы с немецкого превратилась в живое воплощение немецкой же поговорки «Kinder, K;che, Kirche», где киндеров было два, квадратных метров в кухне пять с половиной, а место церкви занимал интернет.

Кинотеатры, походы по ресторанчикам, да просто бездельные домашние вечера – всё пришлось забыть, но они подбадривали друг друга, что это временно, что вот ещё немного, ещё чуть-чуть... И он записывался на очередные курсы повышения квалификации и даже дома не вылезал из-за компьютера, так что все видели только его усталую спину, а она доводила домашнее хозяйство до состояния рекламного ролика и объясняла детям, что папу пока беспокоить нельзя.

Но, наконец, какое-то «чуть-чуть» стало последним, и муж получил солидную должность, и появилась помощница по хозяйству, и замаячила впереди новая квартира... Вот только времени на работе он стал проводить ещё больше, и она чувствовала, что дома ему почему-то не отдыхается. Неделя вдвоём, неделя, проведённая только для себя – вот, что им

надо, решила она. Тогда-то и родилась идея кризиса.

Подготовка её увлекла. Это совпало с новым грандиозным проектом у мужа на работе, но теперь почти постоянное его отсутствие не огорчало – она заняла себя всякого рода тематическим чтением; с университетской дотошностью находила интересные сведения о местах, где им предстояло побывать, и поздними вечерами дразнила его рассказами. Но он с улыбкой отмахивался – его занимали только рабочие проблемы. «Вот поплывём, и всё расскажешь, а сейчас мне бы до постели добраться – ведь завтра опять...» Дальше следовало описание сложностей завтрашнего дня, и она виновато одёргивала себя – действительно, всему своё время. Вот поплывут...

Она продумывала подходящий гардероб, читая рассказы кризисных завсегдаев – оказывается, там почти всегда ветрено! И, значит, нужны ветровки! И, видимо, шапки – начало мая может быть холодным. Она клеила с мальчишками корабли и говорила им, что когда-нибудь они поплывут все вместе – надо только подрасти, и мальчишки мерились ростом, и старший кричал, что он уже подросток, его уже можно брать с собой, а младший с затаённым удовольствием напоминал ему, восстанавливая равенство: «Нет, ты тоже ещё маленький!».

Словом, мысленно она уже взошла на борт теплохода и... Дальнейшие подробности были неясны, потому что она никогда ни на каких теплоходах не плавала, вернее, не ходила, и в этом смысле употребление правильного глагола было первым, ещё сухопутным шагом к миру путешествий по воде.

Так прошли январь и февраль, но в марте она вдруг поймала себя на странном чувстве. Дни протекали всё так же, по многолетней знакомой схеме, главным элементом которой было ожидание чего-то хорошего в будущем, но прислушиваясь к себе, она поняла, что из ожидания исчезла радость. Её сменила беспричинная, казалось, тревога.

Привыкшая реконструировать историю любой простуды у своих детей и сразу определять, кто, что и когда подхватил, она мысленно вернулась назад и без особого труда вычислила даже день, когда это чувство в ней поселилось – 8 марта. Муж перед этим с воодушевлением готовился к корпоративу – на работе

задумали что-то особенно праздничное; дома же он отделался дежурными цветами.

Ещё немного анализа – и тревога получила имя. Алиса. Претенциозное имя напомнило ей давнюю традицию называть тайфуны женскими именами. Тайфуны. Ураганы то есть. То, что разрушает. Не пришлось ничего выпрашивать – имя всплыло само собой, просто по частоте упоминания. Какая-то секретарша там у них, или референт, или ещё что-то в этом роде. Нет повести банальнее на свете.

Теперь спина за компьютером казалась ей не усталой, а неприступной. Она не смогла бы объяснить словами, что случилось, потому что вот именно случаев-то никаких и не было, жизнь в марте ничем не отличалась от той, что была, скажем, в декабре; но раньше она, не задумываясь, могла в любой момент подойти к нему, отвлечь, пошутить – а теперь нет.

Это от долгого сидения дома мне мерещится всякая чушь, убеждала она себя. Но когда в разговорах о работе Алиса упоминаться перестала, она забеспокоилась уже всерьёз – муж уходил теперь с телефоном в другую комнату и бывал явно недоволен, если она туда заглядывала.

Подружки сочувствовали и давали ссылки на психологические тренинги. Мелькнул даже совет пойти к гадалке, что было бы уже совсем падением для женщины с университетским образованием. К гадалке она, конечно, не пошла, тренинги тоже отвергла. Неожиданно помогла весна. День за днём волнами накатывало тепло и всё выше поднималось солнце, а солнечный свет во все времена имеет свойство отвлекать от тревог.

И к маю неясные подозрения почти исчезли, как тень, что кляксой съживается у ног в летний полдень. Ей стали смешны нелепые терзания прошлых недель, она вернулась к мыслям о предстоящей поездке и даже купила платье в полоску – всё-таки ведь теплоход!

Отплывали в выходной. Чемоданы она собирала сама, так у них было принято, ведь в быту он бывал рассеян и легко мог что-то забыть. Она сновала между шкафами и комодами, и на диване уже собрались две разноцветные стопки. В ящике с носками мужа царил привычный хаос. Улыбнувшись, она погрузила туда руки, и

пальцы неожиданно на что-то наткнулись.

Это была красивая чёрная коробочка с золотым символом. Она стала открывать её прежде, чем подумала, что не надо этого делать. Но было поздно – бархатный мешочек уже лежал на ладони, и его витой шнурок развязывался сам. Ещё миг – и оттуда выскользнуло сверкающее нечто, что именно, она толком не разглядела, но что-то безошибочно дорогое и не имеющее к ней отношения. Не для неё предназначенное.

Послышались шаги. Прощальной синевой вспыхнули камни, и она еле успела задвинуть ящик и схватить первый попавшийся свитер.

– Этот положить?

Он сощурил близорукие глаза.

– Да нет, необязательно.

Кажется, не заметил. Она с трудом сглотнула.

– Такси скоро придёт, – поторопил он.

– Осталось бельё. И носки. Собери сам, быстрее получится.

Как в тумане, она почти вбежала в ванную. Тайфун с лисьим именем настиг её ещё до отплытия.

Теплоход оказался огромным, даром что речной. Под уважительными взглядами пассажиров их провели к полулюксу на шлюпочной палубе, но ни взглядов этих, ни прелестей какты она не заметила.

Он подошёл к окну.

– Погодка-то какая! Повезло.

Она выглянула – вода вспыхивала синими искрами. Пальцы инстинктивно сжались, вспомнив драгоценную тяжесть металла.

Если бы она не была оглушена своей находкой, то заметила бы, что теплоход исключительно хорош, несмотря на старомодность отделки, в которой безошибочно узнавался стиль советских ведомственных пансионатов. Персонал был безупречно приветлив, ресторан поражал разнообразием меню. Муж в восторге пробовал блюдо за блюдом, но у неё хватало сил только согласно кивать – есть она не могла. Он шутил про неслыханный случай морской болезни на реке и вообще был очень воодушевлён. Ему всё нравилось, особенно бильярд и сауна; для неё это означало, что можно будет почти не встречаться. Ей нужно было побыть одной. Как маленький зверёк при виде опасности, она всегда застывала

в неожиданных ситуациях, и требовалось время, чтобы оцепенение прошло. На её счастье, и кровати в каюте стояли отдельно.

Неделя. Впереди была неделя, её надо было пережить. И днём размеренная теплоходная жизнь давала на это силы. Здесь всё было подчинено расписанию. Для каждого находилось своё занятие. Концерты, лекции, игры – при желании можно было и вовсе не выходить на палубу. Даже местное радио оказалось неожиданно интересным. Ни к чему было заранее подбирать информацию – уверенный голос громкоговорителя рассказывал буквально о каждом камне на берегу. Её поразили шлюзы. Из шершавой стены торчали ржавые крюки, похожие на носорожьих рога. Корабль притягивали к ним так близко, что можно было дотронуться до мокрой бетонной шкуры. Величественное движение ворот, когда они закрывались или открывались, собирало множество пассажиров. Это зрелище на время выводило её из оцепенения. Но подступал вечер, и надо было снова собираться с духом, чтобы слушать в ресторане болтовню бильярдной компании мужа. Сразу после ужина она уходила в каюту, и он, провожая её, заботливо говорил: «Как хорошо, что здесь ты, наконец, можешь выспаться!». Он не замечал, что она не спит. Он вообще ничего не замечал.

Но её полные боли глаза заметила медсестра, подошла с вопросами, и пришлось долго объяснять, что это усталость. Усталость, и ничего больше.

Теплоход забирался всё дальше на север. Берега стали дикими, названия – незнакомыми. Вечером четвёртого дня она стояла на палубе и смотрела на коричневую гладь Вытегры. Из зарослей у реки доносились оглушительные песни счастливых соловьёв. Теплоход скользил по тихой воде, и всё вокруг было полно таким беспредельным спокойствием, какое бывает только в центре тайфуна. Сейчас она вернётся в каюту, и начнётся отсчёт часов ещё одной бессонной ночи. Через какое-то время придёт он. Каюта наполнится запахами – табак, коньяк. Он будет двигаться осторожно, но шорохи, поскрипывания, стук шагов выдадут в темноте все точки его маршрута. Шелест отбрасываемой простыни – и дальше только звук дыхания, всё тише, всё равномернее...Он засыпал очень быстро и спал крепко.

Ола лежала с открытыми глазами и в сотый, в тысячный раз перебирала события прошедших месяцев. Собственно, событие было только одно: коробочка, в ней мешочек, в нём драгоценный браслет. И всё это в ящике с носками. До этого была только атмосфера, невидимая и неосязаемая. Но коробочка была бомбой, бомбой с часовым механизмом, и насколько у этой бомбы хватит завода пружины, знал только один человек – тот, что спал на соседней кровати. Знал, потому что сам эту пружину и завёл.

Теплоход мягко ударился бортом о стенку и замер. Значит, вошёл в шлюз, и теперь они будут долго стоять, ожидая, когда откроются ворота. Она не представляла, сколько сейчас времени. Все корабельные звуки давно затихли, двигатели тоже замолчали – и вот в наступившей тишине она услышала дыхание, чужое дыхание: вдох... выдох... снова вдох... снова выдох... Она почувствовала, что это дыхание не даёт дышать ей самой, да, оно отнимает её воздух! Оно становилось всё громче, звук его отражался от стен, колоколом бился у неё в ушах, заполнял собой всю каюту. В каждом выдохе ей чудилось имя, и это было проклятое имя тайфуна. Вот он, тайфун, он здесь, он выждал момент, он предательски навалился ей на грудь, ещё секунда – и он проникнет в неё и разорвёт изнутри!

Она вскочила, будто и впрямь подхваченная ветром, сунула ноги в тапки, схватила какой-то свитер и опрометью выскочила из каюты.

И сразу же всё прекратилось. Она попыталась взять себя в руки. Длинные коридоры были ярко освещены, но пусты. Корабль словно вымер. Она осторожно двинулась вперёд, взглянула на часы в холле. Начало пятого. Куда теперь? Оглянулась на дверь каюты – куда угодно, только бы подальше. И вышла на палубу.

Теплоход уже провалился в холодную преисподнюю узкого шлюза, и кроме тёмной мокрой стены, не было видно ничего – такой стоял туман. Всё было неправдоподобно густого серого цвета. Она прошла на нос и решила ждать открытия почти невидимых ворот. В несерьёзном свитере быстро стало холодно. Можно было погреться в холле, но почему-то ей было важно не пропустить, когда шлюз начнёт открываться. Но он не открывался. Она ждала, слушая тишину. Это была совсем другая тишина, не та, что

осталась внутри теплохода. Эта тишина была по-настоящему мёртвой. Погружённая в это беззвучие, она стояла долго, долго, и, наконец, ворота бесшумно дрогнули, медленно поползли в стороны и открылись – в никуда. За ними ничего не было. Всё тот же плотный серый цвет. Не было никакого перехода серой воды во что-то выше воды и во что-то ещё выше, где предполагалось небо. Она во все глаза смотрела вперёд, вцепившись руками в мокрые перила, не чувствуя холода, вообще ничего не чувствуя. То, что было перед ней, могло бы служить идеальной декорацией к мифу об Орфее. Когда он спустился в Аид за своей Эвридикой, он мог видеть то же самое – ворота, открытые в никуда. Наверное, так и выглядит «тот свет». Там просто ничего нет.

Корабль так и стоял перед открытыми на тот свет воротами. Вот оно, значит, что. Вот сюда-то она и плыла. То есть, шла. Это и есть её пункт назначения. Она не вернётся. Она останется здесь вместе со своей болью.

Она перегнулась через борт, но воды не было видно. Надо просто подождать. Сейчас корабль войдёт в эти ворота, и вот там... Ну же, двигайся. Двигайся. Плыви же!..

Но корабль был неподвижен, и так же неподвижна была тонкая фигура, ломаной линией нависшая над перилами, и время исчезло, и мир исчез, и боль растворилась в тумане, который заменил собой всё вокруг...

В последнюю щёлку её ускользающего сознания проник некий звук, не звук даже – какое-то легчайшее колебание, но этого хватило, чтобы она опомнилась. Выпрямилась. Повернула голову. В нескольких шагах от неё тёмная фигура в надвинутом капюшоне механически возила верёвочной шваброй по палубе.

Она внезапно поняла, что страшно замёрзла, и тело сразу отозвалось крупной дрожью. С усилием отлепившись от перил, она подошла к матросу.

– Почему мы стоим?

Ответа не было. Капюшон у матроса был надвинут так низко, что она не видела даже краешка его лица. На миг снова накатило чувство нереальности происходящего, горло перехватило, и она не смогла повторить вопрос. Но глаза уже заметили тонкие

проводки, свисающие из-под капюшона. Наушники. Парень просто не слышит.

Она снова обернулась к открытым воротам шлюза. Где-то высоко сквозь прореху тумана проступило красное пятно запретительного сигнала. Незачем спрашивать ещё раз. И так понятно – на тот свет ей ещё рано.

В тёплой каюте было тихо. Прямо в свитере она легла под одеяло и тут же заснула.

Завтрак уже заканчивался, когда она вошла в ресторан. Муж встретил улыбкой.

– Я думал, ты проспишь и завтрак.

Она тоже улыбнулась – не вымученно, как раньше, а свободно, уверенно. Положила себе блинов. А кухня-то здесь, действительно, хороша!

После завтрака она поднялась на самый верх, на солнечную палубу. Теплоход шёл по бескрайней Онеге. Репродуктор рассказывал, что Онега чище, чем Байкал, просто Байкал лучше разрекламирован. Конечно, так и есть. Здесь и солнце было неправдоподобно ярким. Небо – фантастической эмалевой голубизны. Облака – сказочной живописности. Она глубоко вдохнула свежий озёрный воздух. Есть Бог.

Спокойствие больше не оставляло её. Даже когда она смотрела на мужа и пыталась вызвать в себе хотя бы отголоски прежней муки, ничего не получалось. Напротив неё сидел человек со своей жизнью, своими тайнами. Со своими скелетами в шкафу. Она мысленно сыронизировала: со своими браслетами в носках. Даже трогательно – ну ведь правда как ребёнок, и спрятать-то не умеет! У неё с ним не было ничего общего, у него с ней, видимо, тоже. И хорошо. Как-то всё это надо ещё устроить, но – устроится. Зато у неё теперь есть она сама. И покой. И воля.

Теплоход подходил к Петербургу, когда пассажиры собрались на прощальный обед. Настроение было приподнятым; чувствовалось, что одевались все с особым тщанием. Она впервые надела новое полосатое платье и с удовольствием ловила своё отражение в зеркалах на стене ресторана. Повара превзошли себя, к десерту в зал выкатили столик с гигантским тортом в виде теплохода. Раздались аплодисменты, фотовспышки сверкали, как фейерверк.

На её тарелке оказался кусочек бисквитной палубы, облитой голубой глазурью. Внутренне улыбнувшись, она коснулась ложечкой перил и вдруг заметила, что муж смотрит на неё напряжённым взглядом. Вот оно, пронеслось в голове. Сейчас. Она прислушалась к себе – и ничего не ощутила.

– Знаешь, я не мастер говорить...

Действительно, не мастер – видно было, что каждое слово даётся ему тяжело.

– В последнее время у нас как-то не очень ладилось. Я, наверное, не проявлял к тебе...ну...внимания, что ли. Этот новый проект наш – он мне, честно, всю душу вымотал. Но, – тут он заговорщицки усмехнулся, – в этой работе есть и плюсы: за неё хорошо платят.

Она непонимающе подняла на него глаза, а он со смущённой улыбкой вынул из кармана коробочку и неловко протянул ей.

– Это тебе. Под цвет глаз подбирал.

Красивая чёрная коробочка с золотым символом легко открылась, бархатный мешочек лёг на ладонь, и стягивавший его шнурок уже развязывался сам, выпуская на свет сверкающую синими искрами змейку браслета.

– Ух ты! – раздался восхищённый возглас за соседним столиком.

– Нравится?

Она услышала тревогу в его голосе, но увидеть уже ничего не могла – слёзы потекли сплошным потоком, и от острейшего стыда хотелось провалиться куда-нибудь в трюм.

Он подошёл, помог ей подняться.

– Ну что ты, честное слово... Ну пойдём, пойдём на палубу.

Он был высоким, чуть не на голову выше. Поэтому когда она прятала на его груди заплаканное лицо, ему удобно было смотреть поверх её головы на медленно проплывающий берег, где сбегали к воде аккуратные домики. Это наполняло душу долгожданным расслаблением. Отличный получился круиз, хотя не без сбоев, конечно.

Он философски вздохнул. Придётся ещё один браслет покупать.

Елена АЛБУЛ. Neкаýalar